

О.В. Ермакова

НЕПРАВОМЕРНОЕ ЗАВЛАДЕНИЕ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ (УГОН): КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА И МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматриваются вопросы конструкции состава неправомерного завладения транспортным средством (угона) и момента окончания данного преступления. Автор обобщены и проанализированы мнения ученых по избранной тематике, сделаны теоретические выводы о конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ и моменте его окончания. Отдельное внимание уделяется вопросу обоснованности существующей законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Изложенные положения имеют как научную, так и практическую значимость.

Ключевые слова: конструкция состава; угон; момент окончания преступления.

Состав неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) в теории уголовного права характеризуется как проблемный, поскольку нет четкости, однозначного толкования ни действий, ни предмета, ни момента окончания данного преступления ни в теории, ни на практике [1. С. 211].

Действительно, предложенная законодателем дефиниция угона не дает представления о конструкции состава и моменте окончания преступления. Судя по разъяснениям, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», высшая судебная инстанция страны считает состав угона формальным, поскольку в п. 20 постановления объявляет преступление окончательным с момента отъезда либо перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось [2].

В научной литературе можно встретить различные суждения о конструкции состава неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством (угона).

Так, одни авторы утверждают, что угон относится к преступлениям с формальным составом [3. С. 10]. Другие придерживаются противоположной точки зрения и считают, что преступление, предусмотренное ст. 166 УК РФ, имеет материальный состав [4. С. 140].

Для того чтобы определить конструкцию рассматриваемого состава и момент окончания неправомерного завладения транспортным средством, необходимо проанализировать признаки его объективной стороны.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, описана такими терминами, как «неправомерное завладение» и «угон». Это порождает ряд вопросов. Какой смысл вкладывает законодатель в указанные термины? Как они между собой соотносятся? Можно ли признать удачным оперирование сразу двумя терминами? Анализ научной литературы показывает, что ни один из поставленных вопросов не находит однозначного решения.

Так, точкой столкновения теоретиков уголовного права стал вопрос о соотношении понятий «неправомерное завладение» и «угон». Все позиции ученых условно можно разделить на 3 группы.

Авторы, входящие в первую группу, при рассмотрении объективной стороны неправомерного завладе-

ния транспортным средством без цели хищения (угона) вообще упоминают только один из терминов, обходя дискуссию о соотношении понятий стороной. Так, Н.А. Лопашенко, давая характеристику преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, раскрывает только термин «неправомерное завладение», под которым понимает самовольное замещение собственника или законного владельца, захват транспорта и установление над ним своего незаконного владения [5. С. 198].

Вторая группа авторов прямо указывает, что анализируемые термины обладают одинаковым содержанием. В частности, Н.М. Свидлов и А.С. Сенцов считают, что угон – это и есть незаконное завладение механическим транспортным средством [6. С. 12]. Грамматическое толкование ст. 166 УК РФ приводит к выводу о том, что законодатель предлагает данные термины также считать синонимами.

Третья группа ученых исходит из того, что термины «угон» и «завладение» обладают различным содержанием. Так, В.И. Плохова, анализируя рассматриваемые термины, пишет: «...завладение и угон не равнозначные понятия. Завладеть можно не угоняя, и угонять можно без неправомерного завладения. Угон ближе к использованию транспортного средства в соответствии с его потребительскими свойствами: доехать, довести, перевезти что-либо. <...> А завладение им – временное физическое обладание транспортным средством или установление контроля над ним» [1. С. 212].

Наличие нескольких позиций о соотношении понятий «завладение» и «угон» обусловлено тем, что в теории уголовного права отсутствует единство мнений относительно содержания исследуемых понятий.

Так, В.И. Плохова указывает, что завладение – это получение транспортного средства в свое физическое обладание или установление контроля над ним [7]. Достоинство предложенного определения в том, что термин «получение» охватывает любые способы перехода транспортного средства.

Что касается термина «угон», то И.Я. Козаченко раскрывает его содержание через понятие пользования. Он полагает, что угон – это противоправное временное пользование автомобилем или иным транспортным средством в корыстных либо иных целях без согласия собственника или иного владельца [8. С. 387].

Таким образом, анализ понятий «угон» и «завладение» показывает, что они обладают различным содержанием, хотя законодатель использует их как синонимы. В.И. Плохова объясняет такое законодательное

решение следующим образом: «Законодательное уточнение, т.е. приравнение завладения к угону, можно расценить как ограничение круга действий, которое охватывает термин “завладение” – то, которое связано с незаконным перемещением в (на, с) транспортном средстве (транспортным средством)» [1. С. 213].

Приходится констатировать, что какие бы цели ни преследовал законодатель, вводя в ст. 166 УК РФ одновременно два термина с различным содержанием, результат такого решения – путаница в действиях, образующих объективную сторону. Отсюда неясность конструкции состава и момента окончания преступления.

Так, немало сложностей возникает у исследователей при установлении момента окончания неправомерного завладения транспортным средством (угона), если транспорт находился на охраняемой территории. Следует констатировать, что большинство ученых не выделяют особо данную ситуацию. По такому же пути пошел и Пленум Верховного Суда РФ. Данное им разъяснение, видимо, следует понимать так, что и при угоне с охраняемой территории преступление следует считать окончанным с момента начала движения транспортного средства. Однако некоторые авторы конкретизируют момент окончания угона в таких случаях.

Так, В.В. Мальцев указывает, что если транспортное средство находилось на охраняемой территории (например, стоянка с пропускной системой), то преступление следует считать окончанным с момента выезда (вывоза) за ее пределы [9. С. 12]. Б.А. Куринов же полагает, что угон следует признавать окончанным уже в тот момент, когда виновный отъехал с места стоянки автомобиля, вне зависимости от того, на какой территории автомобиль находится [4. С. 141].

Если учитывать, что понятия «завладение» и «угон» обладают одинаковым содержанием, смысл которого сводится к перемещению транспортного средства в то место, где оно находилось, то и применительно к угону с охраняемой стоянки момент окончания преступления должен связываться с моментом начала движения. Если же считать, что завладение и угон – не одно и то же, то, учитывая что в настоящее время законодатель в ст. 166 УК РФ оперирует двумя этими терминами, обозначая объективную сторону исследуемого преступления, для констатации окончанного преступления необходимо наличие обоих указанных действий. Если транспортное средство находится на охраняемой территории (например, на стоянке с пропускной системой), то его получение в обладание виновного, установление контроля над транспортным средством, что и образует завладение, до выезда с охраняемой территории невозможно.

Подводя итог по вопросу о толковании момента окончания неправомерного завладения транспортным средством, отметим, что проблема заключается в том, что законодатель считает понятия «неправомерное завладение» и «угон» равнозначными, хотя на самом деле это не соответствует этимологии указанных терминов. Наиболее оптимальным в случае сохранения в УК РФ данного состава является использование только одного из них, который и отражает сущность исследуемого преступления.

Представляется, что термин «угон» более точно обозначает сущность исследуемого преступления, по-

скольку собственник лишается возможности осуществлять свои полномочия в отношении транспортного средства именно вследствие его перемещения виновным с места стоянки. В том случае, если законодатель исключит термин «неправомерное завладение» и определит преступление как угон, т.е. перемещение автомобиля или иного транспортного средства любым способом, момент окончания будет определяться моментом начала перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось, что полностью соответствует п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25.

Таким образом, проанализировав объективную сторону состава неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, мы пришли к выводу, что состав по своей конструкции является формальным, а преступление считается оконченным с момента начала движения транспортного средства.

Для решения вопроса об обоснованности существующей законодательной конструкции состава угона необходимо проанализировать особенности механизма причинения вреда объекту рассматриваемого преступления.

Вопрос о том, какой вред претерпевают отношения собственности вследствие угона, заслуживает особого внимания, поскольку только после ответа на него имеет смысл рассуждать о необходимости и возможности включения в состав неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения каких-либо общественно опасных последствий. В юридической литературе многие исследователи вообще обходят этот вопрос.

А.И. Бойцов, например, указывает, что неправомерное завладение транспортным средством, не ставя под сомнение право собственности в полном объеме на предмет завладения, посягает лишь на право пользования им [10. С. 740]. Он отмечает, что ущерб собственнику, причиненный в результате угона, может выражаться как в реальном вреде (в виде амортизации транспортного средства, его порчи или утраты), так и в упущенной выгоде (лишение собственника возможности пользоваться транспортным средством или получить ожидаемый доход от его эксплуатации) [10. С. 740].

Однако ряд специалистов считают, что имущественный ущерб, причиняемый угоном, практически ничем не отличается от имущественного ущерба как последствия хищения. «Эти преступления, – отмечает С.А. Елисеев, – в равной мере влекут за собой уменьшение сферы имущественного обладания потерпевшего, сопровождающееся соответствующим увеличением обладания виновного. Завладев чужим транспортным средством, угонщик, как и похититель, получает возможность пользоваться, распоряжаться им. Соответственно, потерпевший лишается возможности пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему транспортным средством» [11. С. 55].

Эта позиция представляется правильной. С утверждением же о том, что угон посягает лишь на право пользования транспортным средством и причиняет лишь такой реальный ущерб, который связан с амортизацией, порчей, потерей, гибелью транспортного средства, трудно согласиться. Очевидно, что в отсутствие

транспортного средства у потерпевшего нет возможности не только пользоваться им, но и владеть и распоряжаться. Следовательно, реальный имущественный ущерб выражается в утрате вещи потерпевшим и определяется ее стоимостью. Именно так воспринимает причиненный ущерб сам потерпевший, который, как правило, не знает, на время ли завладел виновный автомобилем либо иным транспортным средством или же навсегда. Тот факт, что угнанное транспортное средство через некоторое время будет возвращено собственнику, никак не влияет на содержание причиненного вреда: возврат имущества выступает лишь способом возмещения ущерба. При хищении имущество тоже в конечном итоге может быть возвращено потерпевшему, однако это не свидетельствует о том, что собственнику реальный имущественный ущерб не причинился.

Исходя из того что при угоне, как и при хищении, причиняется реальный имущественный ущерб, можно предположить, что состав угона должен конструироваться как материальный, а преступление юридически должно считаться оконченным с момента его фактического окончания, совпадающего с причинением вреда собственности как охраняемому общественному отношению. Предстоит лишь выяснить, нет ли к этому каких-либо препятствий.

Анализ обстоятельств, влияющих на выбор конструкции состава и относящихся к характеристике последствий, показывает, что таких препятствий нет. Указанные выше последствия, заключающиеся в причинении вреда собственности как охраняемым общественным отношениям, могут наступить, а могут и не наступить. Они не следуют с неизбежностью за деянием. Например, если виновный начал перемещать автомобиль, но еще не выехал за пределы гаража потерпевшего или за пределы охраняемой стоянки, он нарушает лишь охраняющие общественные отношения как подсистему объекта. Вред охраняемым отношениям причиняется только тогда, когда транспортное средство выйдет из обладания потерпевшего, т.е. выедет за пределы гаража или охраняемой стоянки. Причиняемые угоном последствия в виде реального имущественного ущерба без труда могут быть установлены в практической деятельности правоохранительных органов, они поддаются оценке, градуируются, могут быть большими или меньшими. Казалось бы, существуют все основания для конструирования состава угона как материального.

Однако оказывается, что сделать это невозможно, так как в результате угон практически полностью совпадает по своим признакам с составами хищений, ведь многие известные специалисты подчеркивают, что угон при детальном его рассмотрении не имеет отличий от хищений [11. С. 55–56].

Фактически на сегодняшний день угон представляет собой конструкцию покушения на хищение транспортного средства, в существовании которой нет никакого смысла. В.И. Плохова правильно задается вопросом: «...почему попытка уйти в надетых на себя вещах квалифицируется как покушение на хищение, а попытка уехать на автомобиле – как угон?» [1. С. 217]. Таким образом, возникает противоречие: анализ обоснованно-

сти законодательной конструкции состава угона свидетельствует о том, что эта конструкция должна быть материальной, но материальным составом угона стать не может, поскольку в таком случае он сольется с составами хищений. Это противоречие свидетельствует о том, что состав неправомерного завладения автомобилем или другим транспортным средством должен быть исключен из уголовного закона.

Обоснованность предложения об исключении состава угона доказывается и анализом правоприменительной практики, имеющей отношение к установлению момента окончания угона.

В частности, в настоящее время существует проблема оценки случаев, когда виновный, неправомерно завладев транспортным средством с целью временного использования, во время поездки или после нее принимает решение оставить его себе. А.И. Бойцов приводит такой пример из опубликованной практики Верховного Суда РФ. Воронин и Цыганов угнали мотоцикл из двора дома Полесова и отбуксировали его в село, где проживал Воронин. На следующий день Воронин разобрал мотоцикл на части, сточил на раме и двигатели номера, перекрасил его в другой цвет, добавил некоторые части от своего мотоцикла и стал им пользоваться. При этом по показаниям самого виновного мысль завладеть мотоциклом возникла у него, как только он приехал домой. Следственными органами действия Воронина были квалифицированы по совокупности статей, предусматривающих ответственность за угон и кражу, однако суд исключил из обвинения угон и оставил одну лишь кражу. Верховный Суд РФ согласился с такой позицией.

А.И. Бойцов также считает это решение правильным. Он пишет: «Не требуют квалификации по ст. 166 УК РФ и действия виновного, обратившего в свою пользу угнанное им транспортное средство, т.е. такой захват транспортного средства, который изначально был продиктован целью его разового использования, но впоследствии (в полном соответствии с уже упомянутой возможностью трансформации первоначально возникшего намерения с совершения менее тяжкого на более тяжкое преступление) приобрел корыстно-хищническую направленность» [10. С. 746].

Между тем приведенная квалификация противоречит важнейшему теоретическому правилу: о перерастании менее тяжкого преступления в более тяжкое речь может идти только в том случае, если менее тяжкое преступление еще не было окончено. Поскольку угон в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ окончен с момента начала перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось, очевидно, что к тому времени, когда у виновного появился умысел оставить мотоцикл у себя и пользоваться им постоянно, а не просто прокатиться на нем, угон был уже окончен; следовательно, перерастать в кражу он не мог. Но и другие варианты квалификации здесь тоже невозможны. Квалификация содеянного только как угона, при котором, согласно ст. 166 УК РФ, должна отсутствовать цель хищения, не будет соответствовать признакам совершенного деяния. Применение совокупности ст. 166 и 158 УК РФ также нельзя признать удачным, поскольку

для хищения характерно изъятие имущества из обладания потерпевшего, но изъятие в данном случае произошло задолго до возникновения умысла на хищение – еще при угоне. Все эти противоречия и сложности обусловлены наличием в законе состава неправо-

мерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, самостоятельное существование которого нельзя признать обоснованным. Поэтому состав угона целесообразно было бы исключить из УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плохова В.И.* Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб., 2003. 295 с.
2. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 26 декабря 2008 г. № 265.
3. *Абдиров Н.М., Борчаивили И.Ш.* Уголовная ответственность за угон транспортных средств и его предупреждение. Караганда, 1995. 28 с.
4. *Куринов Б.А.* Автотранспортные преступления. Квалификация и ответственность. М., 1976. 206 с.
5. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2006. 720 с.
6. *Свидлов Н.М., Сенцов А.С.* Квалификация угонов транспортных средств. Волгоград, 1988. 40 с.
7. *Плохова В.И.* Угон транспортных средств квалифицировать как хищение имущества // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 46.
8. *Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.И. Чучаева.* М., 2004. 629 с.
9. *Мальцев В.* Ответственность за неправомерное завладение имуществом // Законность. 1995. № 3. С. 12–15.
10. *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. 775 с.
11. *Елисеев С.А.* Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 1999. 176 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 февраля 2013 г.